

3610 44-40

Вл. АЛАТЫРЦЕВ

Фронтовая
ТЕТРАДЬ

ЧУВАШГОСИЗДАТ-1944

Вл. Алатырцев

ФРОНТОВАЯ ТЕТРАДЬ

Стихи

23610

ЧУВАШСКАЯ
КНИЖНАЯ ПАЛАТА
Чебоксары Чувашской АССР

ЧУВАШСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Чебоксары—1944

Оглавление

	<i>Стр</i>
Стихи о доблести и мести	3
Родина	6
Расплата —	8
Фронтальная дорога	9
Наш лозунг	9
Песня	10
Пулемётчик Василий Смирнов	12
Баллада о старшем лейтенанте Шевелёве	14
Мальчуган	17
Песня о шинели	20
Деревня Ремжино	22
Подвиг	23
У могилы друга	24
Ленинградской девушке	25
С тобою вместе много лет	—
Мы в ночь и холод уезжали	27
Нет нигде ни приюта, ни крова	28
В день годовщины	29
Окутало сумраком снова	—
Если б ты, моя милая, знала	30
Черёмуха	31
Компас	32
Погляжу на небо голубое	34
В деревне Речица	—
Мы вернулись	36

Редактор С. Макаров

НТ 00207. Подписано к печати 22-VI-44 г. Заказ 920
Объем 1,125 п. л. Тираж 2000 экз.

Типография №1 управления полиграфпромышленности
при СНК ЧАССР г. Чебоксары, Володарского, 5.

Стихи о доблести и мести

Они рождались в сутолоке фронтовых дорог, в сырых землянках, у костра и в окопе—эти искренние сочные стихи, насквозь пропитанные настоящим человеческим чувством. Все то, что видел и пережил поэт, постоянно бывающий на переднем крае, легло на страницы его записных книжек, вылилось то в трогательный лирический рисунок, то в песню о мужестве и ненависти к немецким оккупантам...

Война, великая и многообразная, дала такие героические образцы, что о них нельзя не думать без волнения. Поэта до глубины души трогают бессмертные дела наших людей („Баллада о старшем лейтенанте Шевелёве“, „Пулемётчик Василий Смирнов“, „Мальчуган“, „Подвиг“). Большой теплотой веет от строк, посвященных героической гибели воинов („Ленинградской девушке“):

Ты поклонись погибшему в бою
От огненного вражьего металла.
Ведь он за то и отдал жизнь свою,
Чтоб ты немецкой каторги не знала.

Стихи, написанные на руинах, на золе и пепле сожжённых деревьев, полны глубокой скорби и гнева:

Здесь прошли
Немецкие солдаты,
Все кругом разбито, сожжено,
Поросло бурьяном...
А когда-то
Здесь была деревня Ремжино.

Они звучат боевым призывом, воспитывают чувство ненависти к человекообразным существам, именуемым немцами:

Где б, товарищ, ни был ты—в секрете,
На посту, в разведке—всё равно,
Мсти врагу за преступленья эти,
Помни о деревне Ремжино!

Значительное место занимает в творчестве Владимира Алатырцева тема преданнейшей любви к родине. Такие стихотворения, как „Здесь все знакомо, сердцу мило“, „Как в бурю над пучиной моря“, „За родные нивы и селенья“, куда автор вложил много чувства, по праву нужно считать лучшими вещами.

Лирические стихи Вл. Алатырцева доходят до души бойца и офицера—они помогают им воевать. Поэт читал их не раз на переднем крае, и люди растроганно просили: — Разрешите нам переписать их...

Стихотворения „В день годовщины свадьбы нашей“, „Окутало сумраком снова“, „Если б ты, моя милая, знала“, „Компас“—многие фронтовики вырезают из красноармейских газет, носят их с собой, как свои лучшие думы, шлют их домой—своим любимым и родным.

В своей фронтовой работе поэт многообразен. Он пишет очерки и листовки о беззаветной храбрости и самопожертвовании наших воинов, активно участвуя во фронтовой печати, читает стихи на красноармейской сцене. В сборник не включены газетные стихотворения, написанные „на злобу дня“.

Владимир Алатырцев отдает всё, что может и должен отдать фронтовой поэзии для быстрейшего разгрома врага.

Капитан Павел Матвиенко.

Действующая армия.
1944 г., февраль.

Родина

I

Здесь всё знакомо, сердцу мило:
Озёра, рощи и поля.
Ты нас вспоила и вскормила,
Родная русская земля.

Ты нас, как мать, благословила,
Послав на ратные дела,
Дала нам мужество, и силу,
И разум ясный нам дала.

И вот теперь на бранном поле,
Когда с врагом вступаем в бой,
Тебя, любимую до боли,
Мы видим все перед собой:

Кусты рябин над берегами
Озёр, заросших тростником,
Речную пойму, где лугами
Бродили в детстве босиком.

Поляну, солнцем залитую,
Ручья прохладную струю,
Твою березу золотую
И осень синюю твою.

И сад, притихший у забора
В вечерний благодатный час,
В саду калитку, у которой
„Люблю“ — сказали в первый раз.

Родных семей, любимых нами,
Давно покинутый уют,—
Всё это встанет пред глазами
Хотя б на несколько минут.

И вспыхнет вдруг душа солдата.
Верней становится рука,
И пулю шлёт из автомата
Он в сердце чёрного врага.

II

Как в бурю над пучиной моря
Могучий каменный утес,
Стоишь ты среди слёз и горя,
Среди великих битв и гроз.

Стоишь тверда, неодолима,
Ведя жестокие бои.
Заволокло военным дымом
Черты прекрасные твои.

Гремучей сталью в схватках бранных
Твои истерзаны края.
Ты вся в огне, в тяжелых ранах,
Россия, родина моя.

Но в испытании суровом
Ты торжествуешь над врагом,
Как встарь на поле Куликовом,
Или на озере Чудском.

От Ладоги до Приднепровья,
На всех фронтах под волчий вой
Уходит, истекая кровью,
Извечный, лютый недруг твой.

И путь великий предрешая
Тебе вперёд на много лет,
Встаёт судьба твоя большая
В сияньи славы и побед.

Расплата

Он брал Париж.
В Варшаве был и в Праге.
Он грабил сёла русские, бандит...
И вот теперь в заснеженном овраге
С насквозь пробитым черепом лежит.

Лежит, раскинув скрюченные руки,
Привнесшие так много людям зла.
И судорога злой предсмертной муки
Его черты звериные свела.

Пустым, бесцветным и незрячим взглядом
В чужое небо он теперь глядит,
Голодный волк обходит эту падаль,
И ворон прочь от мертвеца летит.

Он шел сюда,
Чтоб стать владыкой мира.
Мечтал Россию покорить, пигмей.
И, как на лацкан своего мундира,
Хотел поставить свастику над ней.

Она пришла, законная расплата:
Их не один—их тысячи лежит.
Штыком и пульей русского солдата
Свой приговор история вершит.

Фронтальная дорога

Тревожно вспыхивают фары,
Как будто в молниях она,
И заревом ночных пожаров
На много верст освещена.

И в этом отблеске багровом
По ней машин двойной поток —
Одни на запад рвутся с рёвом,
Другие мчатся на восток.

Плывут во тьме тела орудий,
И слышен танков лязг и гуд,
Обозы тянутся, и люди
Безостановочно идут.

Идут, охвачены стремленьем
Скорей рвануться в жаркий бой,
Неудержимым наступленьем
Врага смести перед собой.

Добудут верную победу
Наш горький пот и тяжкий труд.
Когда-нибудь дорогу эту
Дорогой славы назовут.

Наш лозунг

Он прост и краток, этот лозунг.
Но в нём порыв наш боевой.
И яростью, и гневом грозным
Слова наполнены его.

Его вся армия недаром
Несёт, как знамя, и хранит.

Он для врага стальным ударом,
Смертельным выстрелом гремит.

Шофёр включает третью скорость,
Скажет—он фронту груз везёт,
И на кабине у шофёра
„Вперёд, на запад!“ промелькнёт.

Танкист рванулся со стоянки,
Понёс огня смертельный шквал,
Он на своём могучем танке
„Вперёд, на запад!“ написал.

Берёт штурвал рука пилота,
Машина рвётся в высоту.
Лишь промелькнёт у самолёта
„Вперёд, на запад!“ на борту.

И пусть из блиндажей и дзотов
Враг преграждает путь огнём,
„Вперёд, на запад!“ и пехота,
Берёт рубеж за рубежом.

Он прост и краток, этот лозунг,
Но в нем порыв наш боевой.
И гневом беспощадно грозным
Слова наполнены его.

Песня

За родные пивы и селенья
По призыву нашего вождя
Мы ведём жестокие сраженья,
Сил своих и жизни не щадя.

Лёг наш фронт от моря и до моря
Огненной широкой полосой.
С чёрной силой вражескою споря,
Здесь мы край отстаиваем свой.

До последний капли крови биться
Поклялись мы, родина, тебе.
Только тот, кто смерти не боится,
Будет жить и побеждать в борьбе.

Мы идём сквозь огненные грозы,
Бьём двуногих бешеных зверей,
Люто мстим за пролитые слёзы
Наших жён, сестёр и матерей.

Жизнь иль смерть—
Средины быть не может
В этой грозной яростной борьбе.
Варваров фашистских уничтожить
Поклялись мы, родина, тебе.

Пулемётчик Василий Смирнов

Он двадцать часов
На снегу пролежал
И немцам поднять
Головы не давал.

Лишь только вставали,
Бросались вперед—
Смертельную очередь
Слал пулемёт.

И с воем фашисты
Шарахались вспять
И падали в снег,
Чтобы больше не встать.

Вот снайпера вызвал
К себе офицер,
Чтоб тот пулемётчика
Взял на прицел.

Но цель на снегу
Разглядеть не легко,
И снайпера пули
Прошли высоко.

Фашист вызывает
Отборных солдат,
Он взять им велит
По десятку гранат.

Приказ его краток
И точен всегда:
Живым или мёртвым
Доставить сюда.

Напрасно он ждал их.
Никто из солдат
Живым не пришел
К офицеру назад.

Их всех покосил
Среди русских снегов
Лихой пулемётчик
Василий Смирнов.

Вот новый приказ
Офицер отдаёт,
И начал работу
Свою миномёт.

Заухали мины.
Но жив и здоров
Лежит пулемётчик
Василий Смирнов.

Лежит наш Василий
И думает: „Врёшь,
Василья Смирнова
Ничем не возьмёшь.

Пусть снег на руках
Превращается в лед,
Но руки не выпустят
Пулемёт.

Осыпь меня ливнем
Огня и свинца,
Но я с рубежа
Не уйду до конца.

Хозяин здесь—я
А тебе, немчура,

С чужого двора
Убираться пора.

И знай, что России
Под немцем не быть.
Ты в прах превратишься,
А я буду жить*.

И выжил. И снова
Громит он врагов,
Герой—пулемётчик
Василий Смирнов.

Баллада

о старшем лейтенанте Шевелёве

Двенадцать автоматчиков во главе со старшим лейтенантом Шевелёвым, находясь в засаде, вступили в бой с целым немецким батальоном. 230 вражеских солдат и офицеров истребили они, но и сами в этом неравном бою пали смертью героев.
(Из истории Н-ской части).

Отбили мы в четвёртый раз
Атаки с трёх сторон,
А слева вновь обходит нас
Немецкий батальон.

Лесной дорогой держит путь,
Идёт средь бела дня,
Чтоб там, в тылу у нас, замкнуть
Смертельный круг огня.

Но у дороги меж кустов
Двенадцать храбрецов,

И с ними старший лейтенант
Товарищ Шевелёв.

Он командиром был лихим,
Любимцем всех солдат.
Они ходили вместе с ним
В любой кромешный ад.

Он, как сынов своих родных,
Их полюбил навек.
Да жаль—в живых осталось их
Двенадцать человек.

— Ребята,—молвил он бйцам,—
Нам насмерть здесь стоять,
Не быть, ребята, двум смертям,
Одной—не миновать.

Хоть мало нас, а враг силён,
Но отступать нельзя.
Пропустим этот батальон—
Что скажут нам друзья!

А немцы, дьяволы, спешат...
В строю пятьсот солдат,
Плечом к плечу, за рядом ряд
Идут, как на парад.

Пятьсот бандитов и воров.
И вот на них, чертей,
Тринадцать молний из кустов,
Сплошных очередей.

Внезапно грянула гроза
На вражских солдат
И ослепила им глаза
Разрывами гранат.

Весь лес тревожно загудел,
Прижалась ель к сосне,
Покрылся грудой мёртвых тел
От крови красный снег.

И над дорогой крик и стон,
Смешался к чорту батальон,
Не знают немцы—может, полк
Залёг тут с двух сторон.

Но вот смятенье средь врагов
Прошло. Обозлены,
На горстку наших смельчаков
Обрушились они.

Со всех сторон на них ползут,
Уж слышен снега хруст,
И в сотню глоток им орут:

„Капут!

Сдавайся, русс!“

Но „русс“ сдаваться не привык,

Тянуть к врагу ладонь,

И Шевелёв в ответ на крик

Командует: огонь!

И вновь навывбор по врагу
Бьёт каждый автомат,
И снова немцы на снегу
Убитые лежат.

И чем тесней кольцо врагов,
Тем яростнее бой,
Дерётся горстка храбрецов,
Не дорожа собой.

Но вот уж вставлен в автомат
Последний магазин,

Убитых четверо лежат
И ранен не один.

Тогда поднялся Шевелёв
Под вражеским огнем:
— Уж если надо умереть,
Мы с музыкой умрём!

Последний раз взглянул на них,
С кем жил семьёй одной,
И всем оставшимся в живых
Скомандовал—за мной!

Прикладом бей их по башкам,
Глуши их... В душу... мать!
Не быть, ребята, двум смертям,
Одной—не миновать...

Лицом к лицу сойдясь с врагом,
В неравном с ним бою.
За счастье,
За родимый дом,
За родину свою

Погибли все до одного
Двенадцать храбрецов,
И с ними старший лейтенант
Товарищ Шевелёв.

Мальчуган

Земля стонала и рвалась.
Рёв батарей не молк,
В бою громила наша часть
Фашистский черный полк.

Он бился из последних сил
И нёс большой урон.
К нему на помощь послан был
Отборный батальон.

Спеша вступить скорее в бой
(Приказ суровый дан),
Его вперед повел „лихой“
Немецкий капитан.

Ведёт, а на пути—река.
Неважные дела:
Вода быстра и глубока,
А мост сожжён дотла.

— О черт! Житья нам нет нигде
От этих партизан,—
Бранится, подходя к воде,
Сердитый капитан.

И видит—с удочкой сидит
Малец на берегу.
— Вас к переправе,—говорит,—
Я проводить могу.

Вот здесь, совсем недалеко,
Через реку есть брод,
Воды по пояс, и легко
Любой солдат пройдет.

Лишь надо лесом вон туда
Пройти версты две-три.
И даже крестится чужак,
Дескать, не вру—смотри.

И капитан даёт приказ:
До брода напрямиком,

А этот мальчуган у нас
Пойдёт проводником.

Ведёт колонну наш малец
Дорогою лесной.
Как пахнет в эту пору лес
Берёзой и сосной!

Весенней зеленью одет,
Стоит он в тишине,
Как будто и помина нет
Ни о какой войне.

Но вдруг он весь загрохотал
От залпов партизан!
И первым замертво упал
Немецкий капитан.

И тотчас мальчик-проводник,
Не тратя лишних слов,
Как заяц от погони,—прыг
В кусты, и был таков.

Смешались все ряды солдат,
Но некуда бежать—
Со всех сторон свинцовый град
Колонну стал хлестать.

Из-за кустов, деревьев, пней
Ударил он, звеня.
И стал смыкаться все тесней,
Смертельный круг огня.

Враг заметался под огнем—
Куда, в кого стрелять?
Деревья да кусты кругом,
А кто в них—не видать.

Как будто бьёт, вооружён
Здесь каждый куст, пенёк,
И грудой трупов батальон
На той дороге лёг.

Отряд в лесу сходиться стал,
Пришёл и наш малец.
И командир ему сказал:
— Спасибо! Молодец!

Песня о шинели

Куда бы ни был я заброшен
Суровой, грозною войной,
Как друг надёжный и хороший,
Она всегда, везде со мной.

Всегда меня обогревает—
И в дождь, и в слякоть, и в метель—
Моя подруга боевая,
Моя солдатская шинель.

Она всегда взамен постели
В бездомной жизни фронтовой,
Ее под бок себе постелешь
И завернёшься с головой.

Ни при какой она погоде
Не выдаст и не подведёт,
К ней ни в окопе, ни в походе
Ни пыль, ни грязь не пристаёт.

А если малость и пристанет,
Невелики тогда дела:

Почистишь щёткою—и станет
Шинель такую, как была.

Опять подтянешься ремнём,
Расправишь сборки впереди—
И хоть к наркому на приём,
Хоть на парад ты в ней иди.

Она не блещет красотой,
Но офицеру и бойцу
Своей суровой простотою
Всегда подстать,
Всегда к лицу.

Друзья,
Два года пролетели,
Как мы на зов родной земли,
Надев солдатские шинели,
На поле бранное пришли.

И вот по огненному следу
Из боя в бой мы в них идём.
Нелегок путь наш. Но побелу
Мы все ж одержим над врагом.

Тогда к своим вернёмся семьям,
Отстроим села, города,
И в час досуга вспомним все мы
Про эти страдные года.

Как с нами шла, обогревая
Нас в дождь, и в слякоть, и в метель
Подруга наша фронтная,
Простая русская шинель.

Деревня Ремжино

Здесь прошли
Немецкие солдаты.
Все кругом разбито, сожжено,
Поросло бурьяном...
А когда-то
Тут была деревня Ремжино.

Черных бед и горестей не знала,
Славила приволье и покой.
Может, сотню лет она стояла
Над Ловатью—тихою рекой.

Мир заветный,
Как ты сердцу близок!
Вётлы перед каждой избой,
Солнечные нити на карнизах
Со старинной русской резьбой.

Новые певучие ворота,
В окнах горниц скромные цветы,
Золотистый хмель на огородах,
У плетня ползущий на шести.

Петухи здесь пели на рассвете,
Шли на выгон медленно стада,
Здесь на улицах играли дети,
Созревали яблоки в садах.

И не здесь ли, тишину, нарушив
В летний вечер песней золотой,
Девушка, по имени Катюша,
Выходила на берег крутой.

... Но прошли немецкие солдаты—
Все разграблено и сожжено.

И поверить трудно,
Что когда-то
Здесь была деревня Ремжино.

Смотрит с неба месяц круторогий,
Слышен близкий орудийный вой,
Грузовик проскочит по дороге,
Да пройдут бойцы к передовой.

И один из них рукой укажет
На бурьян, растущий у реки...
Поглядят и ничего не скажут,
Только пальцы стиснут в кулаки.

Где б, товарищ, ни был ты—в секрете,
На посту, в разведке—всё равно:
Мсти врагу за преступленья эти,
Помни о деревне Ремжино!

Подвиг

За дверью с плачем бьётся вьюга,
Деревья стонут и скрипят...
Грустит гармонь в руках у друга,
Бойцы усталые не спят.

Не спят, и ужин не готовят,
И чай забыли кипятить,
Умолкнет вдруг на полуслове
Боец, начавший говорить.

Молчит сурово и угрюмо
Видавший виды дружный взвод,
У всех одна и та же дума—
О нём, который не придёт...

Он был у нас душою взвода,
Товарищ верный, боевой,
Мы с ним прошли огни и воды,
С ним забывали все невзгоды
Тяжелой жизни фронтовой.

Он много раз, смельчак, задира,
Стоял у смерти на краю.
И вот связным у командира
Он был в сегодняшнем бою.

И в жаркой схватке рукопашной
Жизнь лейтенанту сохранил:
Его от подлой пули вражьей
Своею грудью заслонил.

За дверью с плачем бьётся вьюга:
И слышен тихий скрип сосны.
Печалью гордою за друга
Сердца товарищей полны.

Но гнев печалью не остужен,
И, знаю, завтра же в бою
Мы на врага грозой обрушим
За гибель друга месть свою.

У могилы друга

(Памяти капитана Н. В. Пшеничникова)

Над синей медленной Ловатью
Вблизи сожжённого села,
Его в холодные объятия
Земля навеки приняла.

Стоит любовно огорожен
Граненый столбик со звездой.
Рукою дружеской положен
Лесных цветов букет живой.

И ходит ветер златокрылый,
Звенит зеленою листвою
Над этой скромною могилой,
В которой спит товарищ мой.

Давайте встанем тесным кругом,
Но не слезу прольём над ним,
Над дорогим погибшим другом,
А клятву страшную дадим:

Быть беспощадней и суровой
И мстить врагу еще лютей:
За кровь его—стократной кровью,
За смерть—десятками смертей.

Ленинградской девушке

С родной земли
Прогоним мы врага.
Война закончится, утихнет канонада,
И ты вот в эти рощи и луга
Приедешь отдохнуть из Ленинграда.

И здесь
В сияньи радостного дня,
В разливе буйном солнечного света
По берегу речушки Городня
Пройдёшь,
Цветы срывая для букета.

С безоблачной атласной синевы
Тогда не будут бомбы падать воя,
Воронки и противотанковые рвы
Сравняются и зарастут травой.

Но, может быть,
Увидишь холмик ты,
Могильный холмик на просторе этом...
Остановись и собери цветы—
Украшь его венком или букетом.

Я позабыть всеяки не смогу,
Как рвался здесь осатанелый враг.
На этом вот высоком берегу
Отбили мы одиннадцать атак.

Тогда и был товарищ мой убит...
Всей ротой мы его здесь схоронили.
Теперь лишь только прах его лежит
Вот в этой скромной дорогой могиле.

Ты поклонись погибшему в бою
От огненного вражьего металла.
Ведь он за то и отдал жизнь свою,
Чтоб ты фашистской каторги не знала,

Чтоб ты могла
В сиянии ярком дня,
В разливе буйном солнечного света
По берегу речушки Городня
Ходить,
Цветы срывая для букета.

Вдали от тебя

* * *

С тобою вместе много лет
Я сквозь невзгоды и тревоги,
Сквозь бурю радостей и бед
Иду по жизненной дороге.

Событий катится волна,
За днями дни летят мгновенно.
Все изменяется. Одна
Моя любовь к тебе нетленна.

Не стерла образ твой война,
Его в душе храню я свято.
И в битвах и в любви верна
Суровая душа солдата.

Пусть горьких бед не перечешь,
Пусть мы разлучены судьбою
Ты помни—где-то сердце есть,
Которое живет тобою.

В душе попрежнему светло.
И я хочу, чтоб снова, снова
До сердца твоего дошло
От сердца сказанное слово.

* * *

Мы в ночь и холод уезжали.
На фронт, на фронт наш путь лежал.
Но на встревоженном вокзале
Меня никто не провожал.

Никто перед дорогой дальней
Прощальных слов мне не сказал,
Руки не подал в час прощальный,
Не обнял, не поцеловал.

Ты в этот час была далёко,
В своей заснеженной глуши.
И потому такой глубокой
Была печаль моей души.

Но верил я, что в вихре снежном
Сквозь мрак без света и огня
Ты сердцем любящим и нежным
В ту ночь увидела меня.

И от тревоги, от кручины
Всю ночь забыться не могла,
И, может, первая морщина
У милых глаз твоих легла.

* * *

Нет нигде ни приюта, ни кровя
На разбитой земле фронтовой,
Только зарева отблеск багровый,
Только пушек немолкнувший вой.

Только смерть ненасытная рыщет
По кровавым дорогам её.
Только пуля немецкая ищет
Беспокойное сердце моё.

Но хранит его тайная сила
Твоих дум, и тревог, и любви,
Чтобы сердце дышало и жило
В этом море огня и крови.

* * *

В день годовщины свадьбы нашей
Убрал свою землянку я:
На столике букет ромашек
И рядом карточка твоя.

И вот в моей землянке тесной
Уютно стало и светло,
Как будто к ней тропой чудесной
Сиянье глаз твоих дошло.

И почему, я сам не знаю,
Куда-то отошла война.
И даже на переднем крае
Вдруг наступила тишина.

Не стало грохота и грома,
Как будто ни души кругом...
Лишь мы с тобой, как прежде дома,
Сидим за столиком вдвоем.

* * *

Окутало сумраком снова
Весь мир от земли и до звёзд.
Мне грустно: один от другого
Теперь мы за тысячи вёрст.

Метель заметает дороги.
Далёко родное жильё...
И холод тоски и тревоги
Врывается в сердце моё.

Но вызванный творческой силой
Из тьмы беспросветной, сплошной

Твой образ несказанно милый
Виденьем встаёт предо мной.

Вот что-то в груди всколыхнулось,
Легко мне становится вдруг,
Как будто ко мне прикоснулось
Тепло твоих ласковых рук.

Как будто из мрака сверкнули
Очей твоих милых огни,
И в сердце мне силу вдохнули
Для битв и походов они.

Тревога стихает и тает,
Светло и легко на душе.
И тихо костер догорает
В моем фронтовом шалаше.

* * *

Если б ты, моя милая, знала,
Как разлука с тобой тяжела,
Ты бы чаще мне письма писала,
Ты бы ласковей в письмах была.

Далеко ты.
И знаешь едва ли,
Как мне дороги письма твои,
Как храню их и в дальние дали
Через грозы несущи бои.

Ты не видишь,
Как снова и снова
Я читаю в полуночный час
Твои строки, где каждое слово
Перечитано тысячу раз.

Много тяжких в войне испытаний.

Я безропотно вынесу их,
Лишь бы чаще ко мне прилетали
Треугольнички писем твоих.

Я пройду сквозь страдания и муки,
В сердце нежность к тебе сохраняя,
Лишь бы знать мне,
Что в долгой разлуке
Ты попрежнему любишь меня.

Черёмуха

Дом немецким снарядам
Искалечен, разбит.
И черёмуха рядом
Невредима стоит.

Все село опустело,
Всюду пепел и прах.
А она стоит в белых
Ароматных цветах.

И сверкает на солнце
Под жемчужной росой
Своей русской скромной
И бессмертной красой.

Мы устали на марше...
Но над мёртвым селом
Нам черёмуха машет
Белоснежным крылом.

Чем-то близким, знакомым
Сердце тронуло вдруг.

И улыбки на лицах
Засветились вокруг.

Сразу в памяти ожил
Тот покинутый дом,
Где черёмуха тоже
Расцвела под окном.

Лепестки осыпает,
Словно снег, на крыльцо,
В белой дымке мелькает
Дорогое лицо.

И от этого стало
Вдруг на сердце тепло,
И как будто усталость
Ветерком унесло.

Мы быстрее зашагали
Опустевшим селом.
Вслед черёмуха машет
Белоснежным крылом.

Компас

Простой,
Почти игрушечный, невидный,
На фронте он незаменимый друг.
Всегда по стрелочке его магнитной
Определишь,
Где север и где юг.

Пойдёшь в поход —
Кто о пути расскажет?
Но я всегда с собой ношу его,

Он все дороги нужные укажет
И днем и ночью
В жизни боевой.

Но вот одну далёкую дорогу,
Идущую к знакомой стороне,
К заветному и милому порогу,
Он указать никак не хочет мне.

И не к крыльцу покинутого дома,
Не к той, что ожидает третий год,
А средь огня и пушечного грома
Он в сторону обратную ведёт.

Ну, что ж, друзья!
Войну неотвратимо
Закончим мы победой над врагом
И путь к своим далёким, но любимым
Тогда без карт и компасов найдём.

Погляжу на небо голубое

Погляжу на небо голубое,
Шум ручья услышу в тишине —
Всюду ты, незримая. Тобою
Всё полно в природе и во мне.

Всюду глаз твоих милый уют,
Всюду губы твои поют.

Всюду ты идешь со мною рядом
Посреди смертельного огня,
От немецкой пули и снаряда
Жизнь мою собою заслоня.

Без тебя я пройти бы не смог
Столько трудных военных дорог.

Мне опять шагать от боя к бою,
Но желанной встречи день придёт:
Если нас любовь свела с тобою,
Никогда война не разведёт.

Я до счастья дойду, доживу:
Я увижу тебя наяву.

В деревне Речица

Это было в деревне Речица.
Я об этом забыть не могу.

Вот закрою глаза — мне мерещатся
Пятна крови на белом снегу.

Мы в деревню вошли перед вечером
И в снегу за разбитой избой
Обнаружили труп искалеченный
Русской девушки молодой.

Руки тонкие связаны, скручены
За спиною солдатским ремнём.
Вся истерзана и измучена,
И убита фашистским зверьём.

Были в кровь её губы искусаны,
Её волосы были седы,
И на шее под крупными бусами
Страшных пальцев чернели следы.

Её груди казались ранами,
От запекшейся крови темны,
Захватили руками погаными,
Тело мраморной белизны.

На ресницах, покрытых ивеем,
Словно жемчуг, застыла слеза.
Звали к мести открытые, синие,
Как живые, её глаза.

И стояли мы в скорбном молчании,
Перед трупом окаменев.
Но у каждого жгучим пламенем
Бился в сердце великий гнев...

То, что видел в деревне Речица,
Я вовеки забыть не смогу.
Лишь закрою глаза — мне мерещится
Этой девушки труп на снегу.

Мы вернулись

Я помню сорок первый год.
Войной растерзанные дали.
Мы, вытирая кровь и пот,
Вот здесь с боями отступали.

Я помню, как неслась гроза
Стеной огня и вражьей стали,
Как женщин скорбные глаза
Нас на дорогах провожали.

Нам всех утрат не перечесть.
Война сурова и жестока.
Но в ней свои законы есть —
Мы вновь пришли сюда с востока.

И те, кто провожал нас тут
Глазами, полными печали,
Теперь навстречу нам идут,
Слезами радость встречая.

Они спешат нам рассказать.
Всю боль, всю горечь, все невзгоды,
Все то, что в рабстве испытать
Пришлось им за два страшных года.

Но и среди них уж многих нет:
Их враг угнал неумолимый.
И нас ведет их горький след
На запад сумрачный и дымный.

Туда, туда мы держим путь
По кровью залитому следу.
Разбить врага, добыть победу
И их на родину вернуть.

Цена 4 руб.